

«Прошу меня расстрелять, но не бить»

Аннотация. В статье рассказывается о политических репрессиях на Северном флоте в 1937–1938 гг., в результате чего флот потерял опытные командные кадры.

Ключевые слова: Северный флот СССР; флагман 1 ранга К.И. Душенов; «военно-фашистский заговор»; троцкизм.

Summary. The article tells about the political repressions in the Northern Fleet in 1937–1938, resulting in the fleet's losses of experienced command staff.

Keywords: Northern Fleet of the USSR; Flagman 1 Rank K.I. Dushenov; "military-fascist conspiracy"; Trotskyism.

РЕПРЕССИИ на Северной военной флотилии (СВФ) начались в марте 1937 года, как раз в преддверии её преобразования в Северный флот (СФ). Первыми были арестованы начальник штаба Отдельного дивизиона эсминцев (ОДЭМ) капитан 2 ранга Э.И. Батис и дивинтендант П.И. Курков. В начале 1920-х годов они вместе с З.А. Закупневым¹ — первым командующим СВФ служили на Балтике и были близки с тогдашним руководителем ленинградской партийной организации Г.Е. Зиновьевым. Дружба с опальным членом ЦК ВКП(б) обоим морякам стоила жизни. Впрочем, это было только начало.

В июне 1937 года при наркомобороны состоялось расширенное заседание военного совета, на котором рассматривался только один вопрос — заговор Тухачевского. По ходу заседания выступило много военачальников высшего ранга, в том числе и командующий СФ флагман 1 ранга К.И. Душенов². Вот что он тогда сказал:

«О том, что на Морских Силах работал враг, в этом нет ни малейшего сомнения. О том, что корни работы глубоки и не раскрыты, я в этом также не сомневаюсь. Этим делом у нас нужно будет заняться очень серьёзно»³. И занялись. Массовые репрессии на Северном флоте начались в конце сентября 1937 года с ареста командира подводной лодки капитана 2 ранга Л.М. Рейснера. Биография этого моряка заслуживает внимания.

Лев Михайлович Рейснер родился 28 января 1902 года. Его отцом был Пауль Георгиевич Дауге, врач-стоматолог, видный общественный деятель, первый нарком просвещения Латвии. С начала XX века Павел Дауге (так звали его в России) сотрудничал с большевиками, лично знал В.И. Ленина. Революционная деятельность и семейная драма не позволили ему растить старшего сына, поэтому Лёвшуку отдали на воспитание в

семью Рейснеров, видных партийных работников, чью фамилию он и стал носить⁴ и которая в конечном итоге привела его в ГУЛАГ. Не помогло и то, что он являлся кавалером ордена Ленина, которым был награждён за успехи в боевой подготовке личного состава подлодки. А вот с политической подготовкой самого командира, по мнению компетентных органов, дело обстояло плохо. Лев Михайлович высказывался за введение полного единоначалия в Вооружённых Силах, повышение морской культуры, «недопонимал» значения партийно-политической работы⁵.

Партийное руководство настороживало и семейные связи Льва Михайловича: все считали, что он является братом известной в те годы писательницы и активной участницы Гражданской войны Ларисы Рейснер, которую уже после смерти, а умерла она в 1926 году, стали обвинять в «связях с троцкистами», как входившую в ближайшее окружение Л.Д. Троцкого. С этой точки зрения неудачливыми оказались и оба её замужества: и Ф.Ф. Раскольников⁶ и К.Б. Радек — известные политические деятели 1920-х годов не поддержали «генеральную линию» И.В. Сталина. Правда, Лев Михайлович был лишь названным братом Ларисы Рейснер, но этого тогда никто не знал. Впрочем, это уже не имело значения: 22 сентября 1937 года Л.М. Рейснер был арестован. В течение почти четырёх лет следствия его всеми способами склоняли к самооговору. Но Лев Михайлович устоял перед напором следователей и не дал нужных им показаний. Тем не менее дело было передано в военный трибунал Северного флота, который 6 мая 1941 года приговорил Рейснера за участие «в антисоветском военно-фашистском заговоре» к 15 годам исправительно-трудовых лагерей, где он и умер 17 ноября 1941 года⁷.

Такая же участь постигла и начальника одного из отделов штаба Северного флота Дрыкина,

К.И. Душенов

который в 1920-е годы также некоторое время примыкал к троцкистской оппозиции. По мнению секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома партии А.А. Жданова, курировавшего в те годы Северный флот, этого было достаточно для увольнения с флота и ареста. Он так и сказал командующему флотом К.И. Душенову, пытавшемуся заступиться за своих людей: «То, что они хорошо работают, ещё ничего не доказывает. Я бы им доверять не стал, раз они были троцкистами или как-то связаны с ними»⁸.

А вот другой партийный руководитель, начальник политуправления Наркомата ВМФ корпусный комиссар М.Р. Шапошников, выслушав Душенова, заявил без обиняков: «Рекомендую вам, Константин Иванович, не упорствовать. Вы не правы, и, кроме неприятностей, это вам ничего не принесёт»⁹. В конечном итоге так и произошло. Правда, сначала — 29 декабря 1937 года — арестовали помощника командующего бригаданта Павла Афанасьевича Щетинина. Член большевистской

А.Г. Головки

В.П. Дрозд

партии с июня 1917 года, Щетинин активно боролся за победу Советской власти, избирался членом судовых комитетов и Гельсингфорского флотского комитета. И вот теперь, через 20 лет после Октябрьской революции он попал в тюрьму. Девять месяцев длилось следствие. 21 сентября 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила П.А. Щетинина к высшей мере наказания. Одним из серьезных оснований для вынесения расстрельного приговора стал состряпанный НКВД акт о якобы проводимой подсудимым «вредительской деятельности», в чём не усомнился тогдашний судебный состав Военной коллегии Верховного суда. Однако когда в ходе дополнительной проверки этого дела в 1956 году был допрошен автор акта, некто Черного, он пояснил: «Комиссия, составляя акт проверки деятельности Щетинина, не имела данных о том, что он занимался вредительской деятельностью, но записала об этом потому, что Щетинин был арестован как враг народа... Выводы комиссии о вредительской деятельности Щетинина являются ошибочными»¹⁰. 26 сентября 1956 года П.А. Щетинин был реабилитирован¹¹.

В НАЧАЛЕ 1938 года аресты на Северном флоте прекратились. Но это оказалось затишьем перед бурей, которая вскоре обрушилась на самого командующего флотом. Началом послужил донос П.П. Байрачного — члена военного совета СФ, старого большевика, почти что

друга К.И. Душенова¹². Ещё в августе 1937 года П.П. Байрачный обратился с письмом к наркому обороны К.Е. Ворошилову, в котором говорилось следующее: «Докладываю Вам возникшие во время совместной работы с К.И. Душеновым мои сомнения о его политической честности и преданности нашей партии, нашему сталинскому ЦК ВКП(б) и Родине... Подозрения не только интуитивные... Я подозреваю Душенова в том, что он скрытый троцкист, завербованный врагами народа»¹³. Правда, фактов Байрачный никаких не приволил, кроме тех, что Душенов был лично знаком с уже репрессированными Пятаковым, Муклевичем и Орловым, а также «всячески стремился взять под защиту обиженных людей, врагов, называя просто, что это только дураки»¹⁴. Сегодня этот, с позволения сказать, документ ничего, кроме улыбки, не вызывает, но тогда особистам нужна была хоть какая-то зацепка, чтобы предъявить обвинения командующему флотом. Видимо, этого и ждал Байрачный, однако дальнейшие события показали, что у НКВД имелся несколько иной план. Прежде всего донос Байрачного дали прочитать самому Душенову, и он немедленно обратился к Ворошилову: «Внимательно ознакомившись с заявлением т. Байрачного, докладывая, что его предположения и догадки о том, что меня могли вербовать предатели Пятаков, Тухачевский, Муклевич и Орлов — непонятное для меня недоразумение. Всё от начала до конца сплошной вымысел.

В ближайшие дни представлю подробное объяснение. Флагман 1 ранга Душенов»¹⁵. 17 августа 1937 года Константин Иванович посылает наркому обороны пояснительную записку, в которой заверяет Ворошилова в своей преданности и просит заверить в этом также Сталина, Молотова и Ежова. Заканчивается послание следующими словами: «Нас пять братьев. С первых дней без колебаний и сомнений пошли на фронт гражданской войны, двое из нас погибли на фронте, а остальные три честно и по-большевистски работаем. Две сестры и сейчас работают ударницами в колхозе. Меня лично воспитала и на ноги поставила партия Ленина — Сталина, и я никогда не колебался, не изменял и не изменю ей». На этом документе имеется помета: «КВ. 19/VIII-37»¹⁶.

Конечно, после таких разброд отношения Душенова и Байрачного дали серьёзную трещину. Теперь они общались только в служебной обстановке и соблюдали строгую субординацию. Так продолжалось до мая 1938 года. 17 мая П.П. Байрачный был срочно вызван в Москву телеграммой наркома ВМФ армейского комиссара 1 ранга П.А. Смирнова.

Сразу же после прибытия в столицу прямо в вагоне поезда П.П. Байрачного арестовали. В течение трёх летних месяцев Петра Порфирьевича усиленно допрашивали. В качестве обвинения ему было предъявлено мнимое «участие в антисоветском военно-фашистском заговоре», выразившееся в покровительстве троцкистам и другим «неблагонадёжным» элементам из состава военнослужащих Северного флота. После недолгого сопротивления Пётр Порфирьевич сломался и стал оговаривать сослуживцев. В свою очередь на Байрачного имелись показания ранее арестованных военных моряков — бывшего командующего Северной военной флотилией капитана 1 ранга З.А. Закупнева, бывшего начальника штаба Отдельного дивизиона эсминцев Северного флота капитана 2 ранга Э.И. Батиса и бывшего помощника командующего Черноморским флотом дивинт-тенданта П.И. Куркова.

Военная коллегия Верховного суда СССР на заседании, состоявшемся 19 августа 1938 года, рассмотрела дело «бывшего члена военного совета Северного флота дивизионного комиссара Петра Порфирьевича Байрачного» и приговорила его к рас-

стрелу. В тот же день приговор был приведён в исполнение. Реабилитировали П.П. Байрачного 21 июля 1956 года¹⁷.

После ареста П.П. Байрачного К.И. Душенов понял, что станет следующей жертвой. Доводы жены о том, что его не могут арестовать, так как он обладает депутатской неприкосновенностью, были слабым утешением — уже многие депутаты сгинули в застенках НКВД.

В МАЕ 1938 года в Мурманске проходила партийная конференция, на которой присутствовало всё руководство Северного флота во главе с Душеновым. Капитан 1 ранга в отставке П.М. Клипп позже вспоминал: «21 мая. Второй день Мурманской городской партконференции. Вечернее заседание, я председательствую. Предоставил слово К.И. Душенову. Тепло встреченный, Константин Иванович произносит интересную речь. Все внимательно слушают. Вдруг ко мне подходит директор Дома культуры и потихоньку говорит: «Вас или товарища Душенова вызывает по телефону Москва». Нарком П.А. Смирнов предлагает мне и Душенову немедленно выехать в Ленинград для решения срочных вопросов. Я приказал адъютанту командующего приготовить проездные документы, билеты... Константин Иванович быстро закончил речь, и мы вышли из зала... Не успели войти в вагон, как поезд тронулся и повёз нас навстречу нашей судьбе»¹⁸.

Поезд «Полярная стрела» отмерял километр за километром, а Душенова всё больше мучил вопрос, зачем он так срочно понадобился? Ещё большее беспокойство и даже душевное смятение вызвало появление военного команданта станции Волховстрой и приглашение на телефонный разговор. Душенову было предложено пересечь на дрезину, которая его, мол, быстрее доставит в Ленинград. Да, особистам в изобретательности не откажешь. Пусть это всё и было шито белыми нитками, но деваться некуда — Душенов, скрепя сердце, взобрался на дрезину, там его и арестовали. Жену и сына вместе с семьями других «врагов народа» взяли под арест в Полярном и спешно доставили на катере в Мурманскую тюрьму НКВД. Дочь Байрачного впоследствии вспоминала: «В Мурманске маму и Адель Карловну Душенову сразу вызвали на допрос, а мы — я, брат Владлен и Юра Душенов — были оставлены в глухом тём-

Ф.Ф. Раскольников

З.А. Закупнев

ном коридоре под лестницей в здании НКВД. Мы долго сидели и уже засыпали, когда услышали шаги. По лестнице двое часовых вели маму в камеру после допроса. Я бросился к ней, и прежде чем меня, словно щенка, отбросили часовые, мама успела передать свою фотографию, немного денег, а также адрес родителей папы в городе Ростове-на-Дону. Больше маму мы не видели, свидания не дали, прощаться не разрешили. Поездом нас отправили в Ленинград в спецраспределитель, который находился на Кировских островах, в большой секретности, под охраной часовых...»¹⁹.

А для Константина Ивановича начались допросы, очные ставки, многодневные ожидания. Душенов обвинялся в том, что «он с 1934 года являлся активным участником антисоветского военного заговора. Занимая должность командующего Северным флотом, Душенов по заданию антисоветской организации проводил вредительство, направленное на понижение боевой мощи флота и на поражение его в войне, а также вёл подготовку к вооружённому восстанию боевых единиц против советской власти, был в курсе террористической деятельности, направленной в отношении руководителей партии и правительства, поддерживал преступные связи с бывшим командующим Черноморским флотом И. Кожановым»²⁰.

Схема обвинения была примитивна и проста: недостатки в боевой готовности флота, ремонте кораблей, строительстве баз расценивались не иначе как вредительство. Поездки за границу и наличие у жены родственников

в Скандинавии связывались со шпионажем, разговоры о политике — с контрреволюцией.

В результате издевательств и избиений, пыток и обмана Душенов сломался и стал подписывать всё, что сочиняли следователи. Так он согласился с обвинением, что, «являясь участником военно-фашистского заговора, проводил активную подрывную контрреволюционную работу, снижая боевую мощь РККФ». 25 мая он дал «собственноручные показания об участии в военно-фашистском заговоре», в который его якобы вовлёк Кожанов: «В 1936 [году], будучи уже командующим СВФ, я прибыл в Москву по вызову на заседание военного совета Наркомата обороны, — писал Душенов в показаниях. — Там мы встретились. Кожанов заявил мне, что желает поговорить со мной по серьёзному политическому вопросу и поэтому просит посетить его в гостинице «Москва», где он остановился. Я согласился и в тот же день встретился с ним... Я без колебания дал ему согласие на участие в заговоре»²¹.

Вскоре следователи НКВД «выявили» всех «участников заговора на Северном флоте». Их набралось более 30 человек, в том числе заместитель командующего флотом И.И. Сынков, начальник штаба флота П.С. Смирнов, командир бригады подводных лодок К.Н. Грибоедов, флагманский механик Лукашевский, флагманский артиллерист В.А. Александров, командир дивизиона миноносцев В.А. Фокин, начальник гидрографического отдела Шумшур, начальник связи Цветков и другие. К октябрю 1938 года на СФ было арестовано 79 «врагов народа», «до-

срочной демобилизации» подверглись 24 старших и средних командира, 9 политработников и 81 младший командир и краснофлотец (в том числе 24 за «иностранное» происхождение), а также 226 вольнонаёмных²².

Спустя год, находясь в Мурманской тюрьме, в заявлении на имя В.М. Молотова Константин Иванович писал:

«23 мая 1938 года меня арестовали в Ленинграде и после 22 часов применения ко мне жёстких физических методов воздействия, я почти в бессознательном состоянии, в результате внутреннего кровоизлияния, написал под диктовку следствия ложное заявление, что я заговорщик и вредитель... В течение года я три раза отказывался от ложных протоколов, но все три раза ко мне применяли физические методы воздействия, и я вновь подписывал ложь...

Я всем сердцем прошу Вас, не можете ли сделать так, чтобы меня больше не били. Я не смею просить об этом, чтобы вновь провели следствие без физических методов воздействия и дали бы мне возможность доказать свою невиновность и преданность партии, советской власти и правительству. Мне сделать это очень легко, а если я что тогда сокру, то прошу меня расстрелять, но не бить»²³.

В справке НКВД, приложенной к этому заявлению, указывалось, что действительно «физические меры воздействия к Душенову К.И. применялись». Так что ведомство Ежова — Берии не стеснялось. О пребывании Душенова в тюрьме, сначала ленинградской, а потом московской, осталось фактически

одно свидетельство, принадлежащее уже упоминавшемуся П.М. Клиппу: «Прошло много месяцев. И вот однажды в тюрьме на перекличке я встретил К.И. Душенова и начальника штаба П.С. Смирнова. Нас отправили в Москву. Мы полагаем — не иначе как для пересмотра «дела» и, следовательно, для освобождения. В Москве через четыре месяца мне довелось в последний раз увидеть Константина Ивановича, по его виду я понял, что надежд на скорое освобождение он уже не питает»²⁴.

Узника внутренней тюрьмы НКВД в Ленинграде и камеры № 220 в Лефортовской тюрьме морили голодом, не давали спать, мучили электрическим светом и многочасовым стоянием. Но как только Душенов пришёл немного в себя, он отказался от прежних показаний, хотя это и не привело к кардинальному пересмотру дела.

Неблаговидную, а точнее убийственную роль в решении судьбы Душенова сыграли две технические экспертизы, проведенные московскими специалистами, в которых прямо указывалась вина Душенова в неподготовленности флота к боевым действиям.

На этом основании командующий СФ был обвинён по 58-й статье (пункт 16, пункты 7, 8, 11) Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, контрреволюционная деятельность и т.п.), 3 февраля 1940 года суд приговорил его к расстрелу, и на следующий день приговор был приведён в исполнение²⁵.

29 апреля 1955 года Военная коллегия Верховного суда СССР полностью реабилитиро-

вала К.И. Душенова за отсутствием состава преступления. Флагману было возвращено его доброе имя и честь. Сразу же после ареста Душенова в Мурманск приехал нарком ВМФ армейский комиссар 1 ранга П.А. Смирнов²⁶. Выступая на собрании партийного актива военнослужащих Северного флота он заявил следующее: «Я приехал к вам на флот по заданию ЦК партии и правительства по делу бывшего комфлота Душенова, бывшего члена военного совета Байрачного, бывшего начальника политуправления Клиппа, которые политически себя скомпрометировали. Прошу выступить и, невзирая на лица, рассказать, как работали, что мешало. Нам надо очиститься от всего гнилого, чуждого, быстрее залечить раны»²⁷.

По ходу совещания выступило много партийных активистов. Все они, конечно, клеймили прежнее руководство Северного флота. Нарком остался доволен итогами этого совещания и санкционировал дальнейшие аресты военных моряков. Не знал он, что вскоре та же участь постигнет и его.

После ареста Душенова командующим Северным флотом был назначен вернувшийся из Испании и успевший немного покомандовать бригадой эсминцев на Балтике вице-адмирал В.П. Дрозд. Однако и его командование оказалось недолгим — в 1940 году его сменил контр-адмирал А.Г. Головкин. Ценой больших усилий ему удалось овладеть ситуацией и привести Северный флот к победе в Великой Отечественной войне.

В.А. Фокин (справа)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закупнев Захар Александрович (1890—1937) — флагман 2 ранга (1935). Участник Гражданской войны. В ВМФ — с 1911 г. Начал службу матросом на кораблях Балтийского флота. С 1917 г. — комиссар Або-Аландской укреплённой позиции, затем артиллерийского управления Петроградского военного округа, крепости Очаков, крейсера «Нахимов», военно-морских учебных заведений и ВМУ им. М.В. Фрунзе. В 1924 г. окончил Военно-морскую академию. В 1925—1932 гг. — помощник командира учебного судна «9 января», затем минного заградителя «25 октября», помощник командира и командир эскадренного миноносца «Сталин», командир дивизиона и командир бригады эскадренных минонос-

цев Балтийского флота. В 1933—1935 гг. — командующий Северной военной флотилией. Репрессирован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г. (См.: Словарь биографический морской. СПб., 2000. С. 151).

² **Душенов Константин Иванович** (1895—1940) — флагман 1 ранга (1936). В 1915 г. призван на флот. Служил матросом на крейсере «Аврора», в мае 1917 г. избран секретарём судового комитета крейсера. Доставлял арестованных министров Временного правительства в Петропавловскую крепость. В 1918 г. — помощник начальника снабжения Волжской флотилии, а в 1919 г. — старший помощник Нижегородского, затем Астраханского порта, командир Саратовского, а в 1920 г. — Астраханского порта. С 1928 г. — командир и комиссар учебного судна «Комсомолец», затем начальник штаба дивизии линейных кораблей Балтийского флота. В 1928 г. окончил Военно-морскую академию, в 1930 г. — её начальник и комиссар. С ноября 1930 г. — начальник штаба Морских сил Чёрного моря. С марта 1935 г. — командующий Северной военной флотилией, а после её реформирования — командующий Северным флотом (1938—1940). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно в 1956 г. (См.: Словарь биографический морской. С. 135).

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 165. Д. 58. Л. 82, 83.

⁴ *Пржиборовская Г.А.* Лариса Рейснер. М., 2008. С. 114.

⁵ Там, за Невой, — моря и океаны. История Высш. воен.-мор. ордена Ленина, Краснознамённого, ордена Ушакова училища им. М.В. Фрунзе. М., 1976. С. 185.

⁶ **Раскольников (Ильин) Фёдор Фёдорович** (1892—1939) — деятель со-

ветского ВМФ, дипломат, писатель-маринист, лейтенант (1917). В 1914 г. зачислен в Отдельные гардемаринские классы, по окончании которых (1917) произведён в мичманы. В 1917 г. был редактором большевистской газеты «Голос правды», членом Кронштадтского комитета РСДРП(б), комиссаром Морского Генерального штаба, участник подавления мятежа Керенского — Краснова. В 1918 г. — заместитель наркома, затем член Коллегии Наркомата по морским делам, командующий Волжской военной флотилией, член РВС республики. Один из руководителей затопления кораблей Черноморского флота в Новороссийске (1918). В декабре 1918 г., возглавляя отряд особого назначения, попал в плен к англичанам, а в мае 1919 г. был обменен на пленных английских офицеров. Командовал Астраханско-Каспийской, затем Волжско-Каспийской военной флотилией, с мая 1920 г. одновременно Азербайджанским флотом. С июня 1920 г. по январь 1921 г. командовал Балтийским флотом. В 1921—1924 гг. — посол СССР в Эстонии, затем в Дании и Болгарии. В апреле 1938 г. во избежание ареста покинул Софию, переехав в Париж. В июле 1939 г. объявлен вне закона. Умер в Ницце. В 1939 г. написал заявление «Как меня сделали врагом народа» и «Открытое письмо Сталину», в которых публично развенчал культ личности. Автор ряда книг. Награждён 2 орденами Красного Знамени (См.: Словарь биографический морской. С. 325).

⁷ *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998. С. 451.

⁸ Флагманы: Сборник воспоминаний и очерков. М., 1991. С. 215.

⁹ Там же. С. 214, 215.

¹⁰ Архив военной коллегии Верховного суда Российской Федерации (АВК ВС РФ). Оп. 55. Д. 16841. Л. 2.

¹¹ *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 424.

¹² *Мусьяков П.И.* Флагман Константин Душенов. М., 1966. С. 101, 102.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1042. Л. 89. Автограф.

¹⁴ Там же. Л. 95. Автограф.

¹⁵ Там же. Л. 62. Автограф.

¹⁶ Там же. Л. 152. Автограф.

¹⁷ *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 415.

¹⁸ Воен.-истор. журнал. 1965. № 1. С. 61, 62.

¹⁹ Русский вестник. 2002. 12 марта.

²⁰ Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 449. Л. 161.

²¹ Там же. Л. 162.

²² *Морозов М.Э., Кулагин К.Л.* Советский подводный флот 1922—1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 411.

²³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 449. Л. 162, 163.

²⁴ Воен.-истор. журнал. 1965. № 1. С. 63.

²⁵ *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 381.

²⁶ **Смирнов Пётр Александрович** (1897—1938) — армейский комиссар 1 ранга, нарком ВМФ (1937). Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа (1921). В 1922—1924 гг. — военком дивизии и корпуса в Северо-Кавказском, Приволжском и Московском военных округах. С мая 1924 г. — заместитель начальника политуправления РККА. В 1926—1937 гг. — член военного совета — начальник политуправления Балтийского флота, Северо-Кавказского, Приволжского, Белорусского и Ленинградского военных округов. С июня 1937 г. — начальник политуправления РККА, с октября — одновременно заместитель наркома обороны СССР. С декабря 1937 г. — нарком ВМФ СССР. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

²⁷ Русский вестник. 2002. 12 марта.

С.С. БЛИЗНИЧЕНКО